

О некоторых проблемах состязательности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе связанных с участием в деле лиц, обладающих публично-правовой неприкосновенностью

Романенко Н.В.,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры судебной деятельности
Уральского государственного юридического университета
E-mail: bvm@ekbobsud.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации принципа состязательности на досудебных стадиях производства по уголовному делу. Проблемные моменты акцентируются на ситуациях с участием в деле лиц, обладающих публично-правовой неприкосновенностью.

Ключевые слова: неприкосновенность, процесс доказывания, обыск, задержание, арест, представители власти.

Уголовное судопроизводство России, как и любое другое судопроизводство, объявлено состязательным в силу ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Возведение состязательности в ранг конституционного принципа является одним из следствий горизонтального разделения властей, выделения судебной власти в самостоятельную ветвь, наделения ее гарантиями независимости и освобождения от какой-либо официальной идеологии. Воспроизведенный в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹, этот принцип придал нормативную силу теории разделения процессуальных функций в уголовном судопроизводстве: «Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав».

Заметим, что такое положение в отечественном уголовном судопроизводстве существовало далеко не всегда: до периода судебных реформ 1864 г. уголовное производство традиционно рассматривалось как производство полицейское, следственное, направленное на поиск и установление изобличающей доказательственной базы, а потому состязательность со стороны защиты, которая старалась помешать следователю осуществлять все необходимые процессуальные действия, в этом процессе считалась недопустимой².

Закрепленный в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., принцип состязательности был исключен из советского уголовно-процессуального законодательства вследствие смены экономической формации, стоящих перед государством задач и новой идеологии, подчиненной идеям уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, полного устранения деления общества на классы и водворения социализма³. Борьба с преступностью в таких условиях была приоритетным направлением государства, а потому ее обязаны были вести все без исключения правоохранительные органы, в т.ч. и суд, а рядовые граждане — помогать им в этом. В частности, на суд, наряду с прокурором, следователем и органами дознания, была возложена обязанность в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. При производстве уголовного дела суд, равно как и органы дознания, следователь и прокурор, был обязан выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры к их устранению. Отказ прокурора от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого⁴. Как справедливо отмечает Н.В. Азаренком, «это было обусловлено высокой социальной целью, поставленной партией перед системой правоохранительных орга-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ).

² Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. СПС «Гарант».

³ Ст. 3, 7, 9 Конституции РСФСР 1918 г. // Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. 2-е изд., перераб. М.: Зерцало-М, 2003. СПС «Гарант».

⁴ Ст. 3, 21, 248 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г.

нов, — ликвидировать преступность. Ее достижение требовало от общества и государства максимальной концентрации и слаженности, ... следовательно и судья работали в единой “связке”, каждый на своем этапе производства был полноправным “хозяйном” уголовного дела. Борьба с преступностью в форме розыска позволяла государству контролировать данное социальное явление и сдерживать его в разумных пределах»⁵.

Начало «второй жизни» состязательности в уголовном судопроизводстве России было заложено Концепцией судебной реформы 1992 г., которая переориентировала главную цель уголовного судопроизводства с искоренения преступности на защиту прав и свобод человека (впоследствии эта цель была поставлена во главу угла новой Конституции РФ 1993 г.). Организация судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого была провозглашена в качестве одного из важнейших направлений судебной реформы⁶.

Говоря о содержании состязательности, мы должны отметить, что ряд ученых⁷ включают в число его обязательных условий равноправие сторон. Не отрицая очевидной взаимообусловленности указанных принципов, полагаем, однако, что каждый из них имеет самостоятельное процессуальное содержание. Вполне возможно бессостязательное равноправие сторон, а также состязание равного участника уголовного судопроизводства с неравным, когда одна из сторон имеет ряд количественных или качественных преимуществ, льгот и преференций в процессуальном статусе. Отсюда вполне справедливым видится мнение о том, что «состязательность возможна и при отсутствии принципа равноправия либо его ущербности... но какая это будет состязательность? При отсутствии равноправия сторон состязательность будет ущербной»⁸. То есть оба этих принципа могут существовать вне зависимости один от другого, хотя в идеале, конечно же, должны присутствовать одновременно.

В числе же обязательных условий, необходимых для возможности реализации принципа состязательности

в уголовном процессе, можно выделить, по крайней мере, два. Во-первых, «триединство» участников, т.е. наличие двух противоборствующих сторон перед третьей, разрешающей их спор: «полемика хороша тогда, когда есть кто-то третий, который может ее оценить и высказаться относительно правоты доводов одной и другой стороны»⁹. Во-вторых, для реализации состязательности необходима беспристрастность, незаинтересованность этой самой третьей стороны, отсутствие у нее какой-либо другой функции, кроме функции разрешения уголовно-правового спора, а отсюда — ее определенная пассивность в проведении следствия. Как справедливо было отмечено И.Л. Петрухиным, «активная роль суда в исследовании доказательств — достояние инквизиционного процесса. В состязательном же судопроизводстве исследование доказательств производит стороны, а судья лишь следит, чтобы при этом не нарушался процессуальный регламент»¹⁰. «Следственное начало, в отличие от состязательного, состоит в том, что ... судья может совершить определенные действия в рамках производства по уголовному делу независимо от инициативы какой-либо из сторон, он полностью самостоятелен»¹¹.

УПК РФ приводит определение понятия сторон в п. 45 ст. 5, наделяя их противоборствующими конкурирующими функциями обвинения и защиты, и раскрывает состав их участников в гл. 6 и 7. Процессуальное положение третьего участника — суда — регламентировано в гл. 5. Эти нормы логично соответствуют положениям о состязательности, закрепленным в ст. 15 УПК РФ, однако характеризуют в полной мере лишь судебные стадии уголовного судопроизводства.

Во-первых, участие суда в досудебных стадиях производства по уголовному делу «фрагментарно и единично»¹²: суд присутствует только при осуществлении функции судебного контроля за действиями органов предварительного расследования (ст. 125–125.1 УПК РФ) или для принятия решения о производстве определенных следственных действий и мероприятий в рамках ст. 108–109, 165 УПК РФ. Вполне допустима ситуация, когда суда на досудебных стадиях не будет вовсе (если, например, будет отсутствовать необходимость в избрании суровых мер пресечения, производстве обысков в жилище, если действия следователя или дознавателя не будут обжаловаться и пр.). То есть «какая-либо полемика на стадии предварительного расследования отсутствует — ее нет потому, что ее никому слушать»¹³.

⁵ Азаренок Н.В. К вопросу о типе современного российского уголовного процесса. Российский юридический журнал. № 3. 2010, май–июнь.

⁶ Пункт 3 Постановления Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР».

⁷ См., напр.: Гуев А.Н. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. Специально для системы ГАРАНТ, 2010. СПС «Гарант»; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 94; Печегин Д.А. Проблема сочетания состязательных и следственных начал при производстве по уголовному делу: поиск решения на примере международного уголовного суда. Законодательство. № 2. 2015, февраль и др.

⁸ Кронов Е.В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России. Журнал российского права. 2008. № 2. СПС «Гарант».

⁹ Кронов Е.В. Указ. соч.

¹⁰ Петрухин И.Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась. Законодательство. 2006. № 3. С. 69–70.

¹¹ Печегин Д.А. Указ. соч.

¹² Кронов Е.В. Указ. соч.

¹³ Там же.

Во-вторых, следователь не может быть лицом беспристрастным, он всегда заинтересован в обвинительном исходе дела, потому что относится к стороне обвинения¹⁴. Досудебное производство — это своеобразная исследовательская деятельность, направленная на формирование обвинительной доказательственной базы с совершенно четкими однотипными задачами: найти подозреваемого, изобличить и доказать его вину. Эта деятельность в силу исключительной публичности уголовного процесса осуществляется от имени государства и в интересах государства (наряду с интересами потерпевшего), различными органами (следователем, дознавателем, прокурором) и в разных формах (предварительного расследования, оперативно-розыскной деятельности, поддержания при необходимости обвинительной позиции в суде, надзора за законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими предварительное расследование). Именно этими органами и в этих формах достигается первая цель уголовного судопроизводства, указанная в ст. 6 УПК РФ: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и уголовное преследование. Все же утверждения о том, отказываясь от обвинения, прекращая дело, собирая доказательства не только уличающие, но и оправдывающие, следователь осуществляет защитную функцию, прямо противоречат не только положениям УПК РФ, но и здравому смыслу: у следователя в ситуации состязания с самим собой неизбежно психическое раздвоение личности.

Полагаем, что иллюзия возможной состязательности внутри самой стороны обвинения порождена закрепленной в ч. 2 ст. 6 УПК РФ фразой, что отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания. Считаем необходимым подчеркнуть, что сам следователь оправдывающие доказательства не ищет и не собирает, а лишь приобщает к делу доказательства, собранные стороной защиты. И делает это он отнюдь не с целью защиты, а лишь в силу возложенных на него как на руководителя процесса организационно-распорядительных полномочий — только потому, что безосновательно отказать стороне защиты в их приобщении он не вправе, рискуя навлечь обжалование своих действий руководителю следственного отдела, прокурору или в суд. В силу этого отмечаемое на практике нежелание следователя проводить

по ходатайству защитника «следственные действия, результат которого вполне может положить его стройную линию обвинения»¹⁵, вполне логично и оправданно. Распоряжение обвинением на досудебных стадиях, которое ведет к прекращению уголовного преследования или уголовного дела, всегда вынужденно, это скорее акт бессилия следователя, а не акт его доброй воли: в каких-то случаях следователь вынужден прекратить уголовное преследование из-за нецелесообразности его продолжения (например, вследствие истечения сроков давности уголовного преследования, примирения сторон, деятельного раскаяния лица, совершившего преступление), в каких-то его прямо обязывает совершить такие действия уголовно-процессуальный закон (например, при получении отказа в даче согласия на уголовное преследование лица, обладающего публично-правовой неприкосновенностью, при издании акта амнистии и пр.).

В-третьих, характеризуя состязательность, следует говорить не столько о сторонах, сколько о власти, которая стоит (или не стоит) за ними. Сторона защиты властью не обладает вообще — это следует и из Закона об адвокатуре¹⁶, и из норм гл. 7 УПК РФ, которые не предоставляют ей ни одного полномочия давать обязательные распоряжения стороне обвинения, требовать их исполнения и привлекать к ответственности за их неисполнение. В досудебных стадиях власть полностью принадлежит органам предварительного расследования, представляющим власть исполнительную, однако при переходе рубежа, разделяющего досудебное и судебное производство, они эту власть теряют: власть становится судебной. «Момент перехода уголовного дела из досудебного производства в судебное служит границей, которая означает смену власти, а вместе с ней и смену процессуального режима»¹⁷.

Смена процессуального режима влечет смену многих процессуальных принципов: гласности вместо тайны следствия, сочетания коллегиальности и единоличного рассмотрения вместо односторонней монополии следователя, процессуального равенства перед судом одинаковых в своем безвластии сторон. По-разному проводятся следственные (гл. 24–27 УПК РФ) и судебные (гл. 37 УПК РФ) действия. Только на судебных стадиях в условиях сменившейся системы принципов появляется и только судом реализуется вторая цель уголовного судопроизводства, за-

¹⁵ Кронов Е.В. Указ. соч.

¹⁶ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

¹⁷ Лазарева В.А. Проблемы реализации состязательности в уголовном процессе России; Александров А.С., Бойков А.Д., Ведерникова О.Н. и др. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Изд-во «Юрайт», 2015. С. 228.

¹⁴ Мы не имеем в виду здесь случаи его прямой заинтересованности, служащие основанием для отвода в силу ст. 61 УПК РФ.

крепленная в ст. 6 УПК РФ: защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Как справедливо отмечается С.Б. Россинским, «вполне естественно, что факторы, обусловленные современной концепцией реализации судебной власти, просто не могут не отразиться на процессуальных особенностях действий, предусмотренных гл. 37 УПК РФ»¹⁸. Однако непоследовательная логика законодателя, отождествившего в п. 5б ст. 5, ч. 1 ст. 15 УПК РФ досудебное и судебное производство по уголовному делу, породило недопонимание относительно присутствия состязательности на досудебных стадиях производства по уголовному делу, и практические вопросы по применению этих норм.

Следует установить как факт, как объективную данность, признаваемую большинством ученых¹⁹, что принцип состязательности не присущ современному досудебному уголовному процессу, он по-прежнему, остается розыскным, состязательность же сторон является основой судебных стадий. Полагаем, что с учетом исторического постоянства розыскного типа досудебного уголовного судопроизводства его внутренней согласованности и жизнеспособности можно доверять. Это повод для давно назревшей корректировки норм УПК РФ, в частности, ч. 1 ст. 15, которая должна выглядеть так: «Судебное производство по уголовному делу осуществляется на основе состязательности сторон». Данная формулировка положит конец множеству дискуссий, приведет УПК РФ в соответствие с положениями теории разделения властей, концептуальными различиями между исполнительной и судебной властью, признает в полной мере розыскную природу предварительного расследования в целях максимального соблюдения прав всех участников уголовного судопроизводства.

Однако в рамках отмеченных выше проблемных моментов хотелось бы акцентировать внимание на еще одном срезе реализации состязательности на досудебных стадиях. Он касается тех случаев, когда в уголовно-процессуальное единоборство с властными органами вступают лица, сами облеченные властью — более того, когда для них предусмотрен особый порядок рассмотрения дел (гл. 52 УПК РФ), обусловленный гарантиями должностного иммунитета или публично-правовой неприкосновенности. Этими лицами являются члены Совета Федерации, де-

путаты Государственной Думы, судьи, а также, в определенных случаях, прокуроры, адвокаты и другие «отдельные категории лиц».

Во-первых, порядок возбуждения уголовных дел в отношении них усложнен, следовательно самостоятельно решить этот вопрос не может. Обладая достаточной совокупностью доказательств, свидетельствующих о совершении преступления лицом «отдельной категории», он должен — в зависимости от категории лица — инициировать соответствующее обращение Председателя Следственного комитета РФ, Генерального прокурора РФ, получение согласия Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей. Сама по себе трудоемкость и длительность данной процедуры не способствует скорейшей защите прав потерпевших, кроме того, как показывает практика²⁰, крайне редко Генеральный прокурор РФ (председатель Следственного комитета РФ), получивший по своему представлению отказ, обращается повторно, обжалует его или каким-либо образом добивается лишения соответствующего лица неприкосновенности.

Во-вторых, нормы законодательства²¹ говорят о недопустимости задержания, ареста, обыска, а также личного досмотра отдельных категорий лиц, предусматривают невозможность привлечения их к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, их заключения под стражу и допроса без согласия определенных органов. Отсылочная норма ч. 5 ст. 450 УПК РФ говорит о необходимости получения «согласия суда, указанного в ч. 1 ст. 448», в то время как в ч. 1 ст. 448 УПК РФ не указан ни один «суд» (в том значении, которое ему придается ФКЗ «О судебной системе РФ»), который бы принимал подобные решения. Заметим также, что большинство из перечисленных выше действий является следственными, а следственные действия, как справедливо отмечается В.А. Семеновым, являются «основным и наиболее эффективным способом собирания доказательств, именно с помощью следственных действий чаще

¹⁸ Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается. Законы России: опыт, анализ, практика. № 2. 2015.

¹⁹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2009; Соловьев С.С. Состязательность путем революции? Новая адвокатская газета. № 17. 2015, сентябрь; Азаренок Н.В. Указ. соч.; Кронев Е.В. Указ. соч.; Лазарева В.А. Указ. соч.; Печегин Д.А. Указ. соч., и др.

²⁰ О практике реализации указанных норм мы писали в отдельной работе. См.: Бозров В.М., Романенко Н.В. Равенство представителей власти перед законом и судом в уголовном процессе: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2015. С. 95–110.

²¹ См.: ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ, п. 4 ст. 16 Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон РФ о статусе судей), ч. 4, 5 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерации и статусе депутата Государственной Думы Собрания Российской Федерации» (далее — Закон о статусе члена СФ и депутата ГД), ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 13 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и пр.

всего обнаруживаются, изымаются и приобщаются к уголовному делу доказательства»²².

Для некоторых категорий установлены ограничения на переквалификацию деяния, которая может повлечь ухудшение их положения²³, а также на передачу завершеного расследованием уголовного дела в суд²⁴. Обоснованность данных норм вызывает серьезные сомнения, поскольку, во-первых, в них не указаны процедуры получения согласия на осуществление указанных действий, не предусмотрена возможность обжалования полученного отказа; во-вторых, в них не решена судьба уголовного дела, в отношении которого принят отказ в передаче в суд или в переквалификации деяния; в-третьих, они нарушают логику рассуждений соответственно Государственной Думы, Совета Федерации или квалификационной коллегии судей, единожды позволивших инициировать уголовное преследование своего коллеги (со всей тяжестью ответственности, которая предусмотрена законом за совершенное им деяние), — а затем неожиданно передумавших.

«Привыкший» к процессуальной самостоятельности и свободе усмотрения, следователь сталкивается с ограничением своих дискреционных полномочий вторжением в уголовно-процессуальную деятельность конституционно-правовых интересов — а именно ими объясняются установленные для неприкосновенных лиц преференции²⁵.

Как отмечалось выше, уголовно-процессуальный конфликт (как следствие конфликта уголовно-правового) — это противостояние интересов обвиняемого (вместе со следователем) и потерпевшего (вместе с защитником). Однако состязание следователя с обвиняемым в отмеченных выше случаях переходит в иную плоскость: из сферы частных интересов оно перемещается в сугубо публичную, т.е. разворачивается конфликт государственных интересов в полном смысле этого слова. Интересы раскрытия преступления и изобличения неприкосновенного преступника становятся с одной стороны, интересы защиты субъекта, выполняющего особые государственные функции — с другой, и с обеих сторон стоят интересы государства. Стремясь удовлетворить

оба этих интереса одновременно, оно зачастую не находит разумного баланса конституционных и уголовно-процессуальных интересов. Следователь, уступая давлению «гарантий более высокого уровня», предвидя чрезмерно сложный и бесперспективный порядок получения согласия на снятие неприкосновенности, нередко полностью отказывается от каких-либо действий, направленных не только на собирание доказательств, но и на преследование неприкосновенного лица вообще. Зачастую это становится единственно возможным вариантом решения, которое остается ему принять.

С учетом того, что сам потерпевший какими-либо властными полномочиями в уголовном процессе не обладает, данное явление неизбежно влечет нарушение его прав от деяний, совершенных неприкосновенными представителями власти. Это один из вариантов той самой «ущербной состязательности», вызванной неравенством противоборствующих участников судопроизводства. Основной смысл состязательности — опровергнуть позицию оппонента, «разбив» его доказательственную базу своей, более сильной доказательственной базой — оказывается искаженным. Доказательственная база оказывается несобранной, следователь лишается своего главного «оружия», позиция оппонента оказывается не опровергнутой, не подтвержденной, а сам «поединок сторон», едва начавшись, тут же заканчивается не победой или поражением стороны обвинения или стороны защиты, а вмешательством более высоких интересов. Нередко это приводит к злоупотреблениям неприкосновенными субъектами, знающими о невозможности их задержания и об ограниченной возможности производства в отношении них иных процессуальных действий, своими гарантиями, предоставляемыми им их статусом.

На наш взгляд, состязательность в таком варианте не способствует цели уголовного преследования неприкосновенных лиц, виновных в совершении преступлений, назначения им справедливого наказания, а также защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от их преступных деяний. Более того, совокупность данных норм, помимо принципа состязательности, нарушает принципы процессуальной экономии, непрерывности производства по делу, его завершенности и исполнимости, неотвратимости наказания и равенства всех перед законом и судом.

Полагаем, что это тоже один из поводов реформирования уголовно-процессуального законодательства и института публично-правовой неприкосновенности в ключе более тесной взаимосвязи конституционных и уголовно-процессуальных норм.

²² Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств. Законы России: опыт, анализ, практика. № 2. 2015.

²³ Пункт 3 ст. 16 Закона о статусе судей.

²⁴ Часть 5 ст. 19 Закона о статусе члена СФ и депутата ГД.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Список литературы

1. Бозров В.М., Романенко Н.В. Равенство представителей власти перед законом и судом в уголовном процессе: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2015. 167 с.
2. Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. СПС «Гарант».
3. Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. 2-е изд., перераб. М.: Зерцало-М, 2003. СПС «Гарант».
4. Азаренок Н.В. К вопросу о типе современного российского уголовного процесса. Российский юридический журнал. № 3. 2010, май–июнь.
5. Гувев А.Н. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. Специально для системы ГАРАНТ, 2010. СПС «Гарант».
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 94.
7. Печегин Д.А. Проблема сочетания состязательных и следственных начал при производстве по уголовному делу: поиск решения на примере международного уголовного суда. Законодательство. № 2. 2015, февраль.
8. Кронов Е.В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России. Журнал российского права. 2008. № 2.
9. Петрухин И.Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась // Законодательство. 2006. № 3. С. 69–70.
10. Лазарева В.А. Проблемы реализации состязательности в уголовном процессе России; Александров А.С., Бойков А.Д., Ведерникова О.Н. и др. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Изд-во «Юрайт», 2015. С. 228.
11. Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается. Законы России: опыт, анализ, практика. № 2. 2015.
12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2009; Соловьев С. Состязательность путем революции? Новая адвокатская газета. № 17. 2015, сент.
13. Семенов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств. Законы России: опыт, анализ, практика. № 2. 2015.

On some problems of competition in the pre-trial stages of criminal proceedings including those related to participation in the case of persons having public law immunity

Romanenko N.V.,

PhD in Law, senior lecturer in forensic activities
Ural State Law University
E-mail: bvm@ek

Abstract. The article considers the peculiarities of the taking of evidence in respect of persons having public legal immunity, and analyzes the problems of the current legislation regulating this sphere of legal relations.

Keywords: integrity, competitiveness, a criminal case, the integrity, the authorities.

References

1. Bozrov V.M., Romanenko N.V. Ravenstvo predstaviteley vlasti pered zakonom i sudom v ugovolnom protsesse: monografiya. M.: Izd-vo «Yurlitinform», 2015. 167 s.
2. Velikaya reforma: k 150-letiyu Sudebnykh Ustavov: v 2 t. T. II: Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva / pod red. L.V. Golovko. M.: Yustitsinform, 2014. SPŠ «Garant».
3. Chistyakov O.I. Konstitutsiya RSFSR 1918 g. 2-e izd., pererab. M.: Zertsalo-M, 2003. SPS «Garant».
4. Azarenok N.V. K voprosu o tipe sovremennogo rossiyskogo ugovolnogo protsesssa. Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. № 3. 2010, may–iyun.
5. Guev A.N. Postateyniy kommentariy k Ugovolno-protsessualnomu kodeksu RF. Spetsialno dlya sistemy GARANT, 2010. SPS «Garant».
6. Kommentariy k Ugovolno-protsessualnomu kodeksu RF / otv. red. D.N. Kozak, E.B. Mizulina. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2004. S. 94.
7. Pechegin D.A. Problema sochetaniya sostyazatelnykh i sledstvennykh nachal pri proizvodstve po ugovolnomu delu: poisk resheniya na primere mezhdunarodnogo ugovolnogo suda. Zakonodatelstvo. № 2. 2015, fevral.
8. Kronov E.V. O realizatsii printsipov sostyazatelnosti i ravnopraviya storon v ugovolnom protsesse Rossii. Zhurnal rossiyskogo prava. 2008. № 2.
9. Petruhin I.L. Reforma ugovolnogo pravosudiya v Rossii ne zavershilas // Zakonodatelstvo. 2006. № 3. S. 69–70.
10. Lazareva V.A. Problemy realizatsii sostyazatelnosti v ugovolnom protsesse Rossii; Aleksandrov A.S., Boykov A.D., Vedernikova O.N. i dr. Ugovolnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika / pod red. N.A. Kolokolova. M.: Izd-vo «Yurayt», 2015. S. 228.
11. Rossinskiy S.B. Ponyatie i suschnost sledstvennykh deystviy v ugovolnom sudoproizvodstve: diskussiya prodolzhaetsya. Zakonyi Rossii: opyt, analiz, praktika. № 2. 2015.
12. Kommentariy k Ugovolno-protsessualnomu kodeksu RF / nauch. red. V.T. Tomin, M.P. Polyakov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo «Yurayt», 2009; Solovev S. Sostyazatelnost putem revolyutsii? Novaya advokatskaya gazeta. № 17. 2015, sent.
13. Sementsov V.A. O sootnoshenii sledstvennykh i inyykh protsessualnykh deystviy, prednaznachennykh dlya sobiraniya dokazatelstv. Zakonyi Rossii: opyt, analiz, praktika. № 2. 2015.